

ской волости (кстати, там он загнут иначе), был распространен повсеместно. Олени, изображенные под № 16—18, не отличаются от тех, которые даны под № 35—37, хотя первые считаются белогорскими знаменами, вторые — сургутскими. В свете вышесказанного становится ясным наличие знамен в виде лука, месяца и солнца в табл. 55 и 56, а утверждение автора на стр. 103, что в Белогорье жили выходцы на Ваховской и Темличеевой волостей Сургутского уезда — оказывается необоснованным.

Неясным остается, почему в Нарымском городке было четыре самостоятельных группы населения, принадлежавших к одному роду. Из текста можно сделать вывод лишь о двух таких группах (стр. 68—69). Неясен вопрос о знамени Ваховской волости, так как в табл. 72 приведены одни луки, об этом же говорится и в тексте (стр. 126), а на стр. 171 обнаруживается, что тамгу «лук» ставили лишь остяки устья Ваха, а остальные ставили тамгу «олень». Подобные неточности и противоречия, вероятно, устранимы, но пока они несколько затрудняют восприятие материала.

Необычайно интересны впервые опубликованные тамги селькупов, кетов и ненцев Нарымского, Кетского, Енисейского и Красноярского уездов, правда, группировки тамг березовских ненцев вызывают сомнения.

Впервые опубликованы знамена различных народов Восточной Сибири. Это знамена различных групп эвенков, юкагиров, бурят, якутов. Значительная часть их принадлежит якутам. Вероятно, автору следовало бы больше подчеркнуть роль русской администрации в унификации этих знамен. Особенно это бросается в глаза в отношении якутов.

Указанные недостатки и неточности не снижают ценности работы и объясняются большой сложностью затронутых в ней проблем, еще слабо изученных в нашей литературе.

В целом работа Ю. Б. Симченко — самостоятельное серьезное исследование. Для многих ученых она послужит большим подспорьем при решении различного ряда сложных проблем. Эту помощь им окажут как конкретные материалы, так и выводы, сделанные автором, хотя некоторые из них и будут, возможно, в дальнейшем уточнены.

З. Соколова

НОВЫЕ РАБОТЫ ПО ЧУВАШСКОМУ ФОЛЬКЛОРУ

М. Я. Сироткин. *Чувашский фольклор. Очерк устно-поэтического народного творчества*, Чебоксары, 1965, 132 стр.; И. И. Одюков. *Чувашские народные песни социального протеста и революционной борьбы*, Чебоксары, 1965, 200 стр.

В 1965 г. почти одновременно вышли в свет две новые книги на русском языке, посвященные чувашскому народно-поэтическому творчеству. Одна из них — известного чувашского литературоведа и фольклориста М. Я. Сироткина — представляет собою краткий очерк жанровых форм и видов традиционного чувашского фольклора. Как говорится во вводной издательской заметке, потребность в таком очерке продиктована тем, что при наличии отдельных исследований и публикаций текстов до сих пор не было общего описания и характеристики жанрового состава чувашского народно-поэтического творчества.

Книга открывается кратким вступлением, в котором отмечены ведущие исторические истоки основных мотивов в чувашском фольклоре. Это мотивы, связанные с упорным трудом над освоением природы и ее богатства; переживания, вызванные сперва феодально-крепостническим произволом и гнетом, затем капиталистическими порядками; борьба за освобождение от всех видов внутреннего и иноземного гнета, часто совместно с трудящимися соседних народов — русских, башкир, мари и др.; участие в событиях Великой Октябрьской революции, гражданской войны, социалистического строительства, Великой Отечественной войны.

Далее следуют обзоры основных видов традиционного чувашского фольклора: календарной и семейной обрядовой поэзии, пословиц и поговорок, загадок, сказок различных видов, исторических преданий и песен, бытовой песенной лирики, песен социального протеста. В каждом разделе приводится довольно много образцов соответствующих произведений в русском переводе или параллельно на обоих языках — чувашском и русском. Помимо раскрытия тематики рассматриваемых произведений, их основных мотивов, идейно-художественной направленности, в разделах отмечаются также наиболее характерные черты поэтики анализируемого жанра. Наиболее разработан в этом отношении раздел песен.

Очерк посвящен традиционному фольклору чувашей. О становлении и развитии новых форм чувашского устно-поэтического творчества в условиях советской действительности предполагается дать специальный очерк (см. вводную заметку), но уже некоторые особенности содержания и строения песен советской эпохи намечены в заклю-

чительном разделе «Песни нового времени». В конце же разделов говорится о судьбах каждого данного жанра в современности: об утрачивании, например, магически-культурной окраски календарно-обрядовой и свадебной поэзией, о превращении былой магической обрядности в массовые празднества, с выделением в ней на первый план художественно-игровых функций; о переосмыслении некоторых старых пословиц; об усилении процесса включения в фольклорный оборот пословиц и изречений из литературных произведений; об элементах модернизации в волшебных сказках и т. п. Отмечается сохранность тех видов народной лирики, которые продолжают быть созвучными лирическим переживаниям современности, а также расширение тематики чувашских песен, обновление их идейного содержания и бытовых образов.

Описание чувашского фольклора вызывает ряд вопросов, связанных с проблемой взаимоотношений в поэтическом творчестве разных народов: какие из наблюдаемых в фольклоре аналогий можно считать типологическими, как возникли в порядке культурного обмена, что в народной поэзии чувашей составляет их национальную специфику и т. п. Эти вопросы в книге не затрагиваются. Ее назначение скромнее: дать общее представление об основных исторически сложившихся формах чувашского фольклора. И этому своему назначению книга М. Я. Сироткина отвечает вполне. Она, бесспорно, полезна для того круга читателей, на который рассчитана. Несомненный интерес она представит для русского читателя, открывая новые возможности сопоставлений и аналогий с русским фольклором.

Как досадное упущение составителя ощущается в ней отсутствие основной библиографии по чувашскому фольклору.

* * *

Книга И. И. Одюкова, уже зарекомендовавшего себя отдельными исследованиями по чувашскому фольклору и фольклористике, в противоположность работе М. Я. Сироткина сосредоточивает внимание лишь на одной, особо отобранной группе произведений чувашского народно-поэтического творчества. Это — песни социального протеста и революционной борьбы, одна из действительно замечательных частей фольклорного наследия чувашей. Такой выбор темы позволил И. И. Одюкову достаточно глубоко раскрыть идейно-художественное содержание входящих в эту группу тематических циклов.

Автор и определяет задачу книги как возможно более полное изучение идейно-тематического и художественного содержания этих песен, а также выяснение их связи с чувашской традиционной бытовой песней и русской народной лирикой.

Во введении говорится о времени формирования отобранных для изучения песенных циклов — после XVI в., т. е. после воссоединения чувашского народа с Русским государством, и о связи этих песен с историко-общественными судьбами чувашского народа. Здесь же автор рассказывает об истории их собирания и изучения. В дальнейшем песни рассматриваются по отдельным группам и циклам. Глава I посвящена самому раннему слою — песням антикрепостническим. Сюда автор относит песни удельных крестьян, песни переселенческие и песни исторические. Анализируется содержание каждой из этих трех групп песен, причем примеры даются на двух языках — чувашском и русском (многие переводы на русский язык сделаны самим И. И. Одюковым). Попутно указаны особенности композиции, стилистических художественных средств, характер социальных мотивов. В том же направлении в главе II рассматриваются песни рекрутские, солдатские и плачи — солдаток и детей-сирот. Глава III содержит анализ песен бурлацких и рабочих, как песен протеста против капиталистической эксплуатации, отражение стихийной борьбы рабочих-сезонников и рабочих фабрик и заводов. Глава IV — «Песни революции» — включает в себе два раздела: «Чувашские народные песни революционного протеста и борьбы (крестьянские и тюремные)» и «Русская массовая революционная песня среди чувашей в начале XX века (1900—1918 гг.)». «Заключение посвящено вопросу об историческом значении рассмотренных песен и об их судьбах в современности.

Уже краткий обзор содержания книги дает представление о ее несомненно большом познавательном значении. Читатель получает достаточно полное представление о чувашской народной песне с социальными и революционными мотивами, о своеобразии отдельных групп этих песен по содержанию и художественным особенностям, о росте в чувашском фольклоре социального и революционного содержания в связи с формами и характером закабаления чувашского народа. Особенно интересен анализ песен удельных крестьян и песен переселенческих, а также второй раздел главы III — о русской массовой революционной песне среди чувашей в начале XX века. В нем дана сводка всех выявленных материалов по теме: какие песни были усвоены, на каких исторических этапах, каким образом они проникали в среду чувашей и т. п. Интересна карта с обозначением мест исполнения русских революционных песен, составленная И. И. Одюковым.

Изложение сопровождается обильными библиографическими ссылками, что усиливает научный вес работы.

Отмечу некоторые недостатки и упущения этой в целом хорошей книги: 1) сопоставление с аналогичными или близкими русскими песнями не проводится систематически; например, песни солдатские дают в этом отношении благодарный материал (см. стр. 86, 94—95). То же можно отметить в отношении некоторых других песен; 2) анализ композиционных и стилистических средств дается одновременно с раскрытием идейно-художественного содержания, что, конечно, хорошо, но не всегда подводится общий итог, поэтому у читателя не остается четких представлений о разных способах построения отдельных групп песен, о разных художественных системах; 3) ряд возникающих в связи с материалом вопросов остается без ответа: одинаково ли строятся близкие по теме песни, не бывает ли, что песни, разные по теме, построены однотипно.

Все эти замечания, однако, имеют частный характер и не снижают общего благоприятного впечатления от книги.

В послевоенные годы советская фольклористика все более и более обогащается исследованиями обобщающего характера на русском языке, посвященными фольклору разных народов СССР. Одни из этих работ раскрывают общий состав и идейно-художественное содержание фольклора той или иной народности, другие изучают отдельные, особо значительные его части. Такие работы, кроме их большого непосредственно познавательного значения, создают возможность более углубленно, на широком сравнительном материале ставить и освещать важнейшие проблемы теории и истории фольклора. В ряду обобщающих работ по национальному фольклору, таких, как фундаментальная книга А. Н. Маскаева «Мордовская эпическая песня», очерк Н. О. Шаракшиной «Бурятский фольклор», книги А. К. Микушева «Песенное творчество народа коми» и У. С. Конька «Карельская сатирическая сказка», как работы З. Н. Куприяновой о ненецком фольклоре и М. Г. Воскобойникова об эвенкийском и многие другие, свое заметное место займут и рецензируемые книги М. Я. Сироткина и И. И. Одюкова.

А. Астахова

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

ЦЕННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ИСТОРИИ СИСТЕМ РОДСТВА

Го Мин-кунь. *Исследование семейной организации и языка китайцев* (на японском языке). Токио, 1964, 564 стр.

Проблема эволюции систем родства и их исторической обусловленности определенными формами социальных отношений до сих пор не может считаться решенной во всех деталях. Усилиями исследователей ряда стран было убедительно показано, что терминология родства турано-ганованского типа является древнейшей системой, отражающей экзогамную родовую организацию; малайская же система, которую Л.-Г. Морган считал наиболее примитивной, в действительности представляет собой результат упрощения турано-ганованской номенклатуры и возникает по мере разложения родовой организации. Однако известно, что типично малайские (или, как их называют также, гавайские) системы не имеют универсального распространения. Другими словами, у различных народов мира наблюдается значительное разнообразие вторичных форм терминологии родства, приходящих на смену турано-ганованскому типу. К числу таких вторичных систем относится и крайне недостаточно изученная в теоретическом плане номенклатура, которую Р. Лоуи предложил называть «коллатерально-раздвоенным» типом¹. Рецензируемая книга посвящена в основном исследованию системы именно этого типа, взятого в ее историческом контексте, на примере развития терминологии родства китайцев.

По поводу того, к какому типу следует отнести китайскую систему родства, в литературе высказывались весьма противоречивые мнения: Л.-Г. Морган характеризовал ее как принадлежащую к числу систем турано-ганованского типа, указав, однако, что некоторые ее черты родственные малайским системам²; Р. Лоуи относил китайскую но-

¹ Как известно, в отличие от Моргана, различавшего описательные и классификационные системы родства (последние — в двух вариантах: малайском и турано-ганованском), Лоуи придерживался классификации систем родства по четырем типам: 1 — Generation Type (соответствует малайскому типу); 2 — Bifurcate Merging Type (соответствует турано-ганованскому типу); 3 — Bifurcate Collateral Type (характеризуется разграничением линий отца и матери, а также братьев и сестер отца и матери от отца и матери); 4 — Lineal Type (соответствует «описательному» типу).

² L.-H. Morgan, *Systems of Consanguinity and Affinity of Human Family*, Washington, 1871, стр. 432.